

быть явной и непреложной по крайней мере для тех двоих, кого соединяют ее узы.

– Разумеется, это так, – сказал Дагусен, – но лучше уж, когда один из них ничего не знает об этой любви, чем когда о ней проведают третий. Мне, например, кажется, что любовь этой девушки становилась еще сильнее оттого, что она ее скрывала.

– Что бы там ни было, – сказала Лонгарина, – следует уважать добродетель, а самая большая добродетель – в том, чтобы победить свое сердце. А так как девушке этой столько раз представлялся случай забыть и совесть и честь и она так достойно победила свое чувство, свое желание и того, кого она любила больше самой себя, при всех тех трудных обстоятельствах, в которых она находилась, – ее поистине можно назвать женщиной сильной. А раз вы считаете, что степень добродетели определяется умерщвлением желаний, я должна сказать, что принц этот заслуживает большей похвалы, чем она, – ведь как он ее любил! И притом он был могуществен, случай ему благоприятствовал и в его руках были все средства. И он, однако, не захотел нарушить закон настоящей любви, который равняет принца и нищего, а прибег лишь к таким средствам, которые ему позволяла честь.

– Многие на его месте так бы не поступили, – заметил Иркан.

– Он тем более заслуживает уважения, – сказала Лонгарина, – что победил свойственный всем людям порок, ибо поистине счастлив тот, кто может сотворить зло и кто его не сотворяет.

– Вы мне напомнили сейчас об одной женщине, – сказал Жебюрон, – которая, ради того что бы не упасть во мнении людей, готова была оскорбить и бога, и любовь свою, и честь.

– Пожалуйста, расскажите нам эту историю, – попросила Парламента, – я передаю вам слово.

– Есть на свете люди, – сказал Жебюрон, – для которых не существует бога, – или даже если они и верят в него, они считают, что он где-то так далеко от них, что все равно не может ни увидеть, ни услышать того зла, которое они творят. И даже когда сами они видят свои грехи, они уверены, что бог не станет обращать на них внимания и наказывать их, ибо ему нет дела до всего земного. Такого же мнения была и одна дама, имя которой, из уважения к ее роду, я не стану оглашать и назову ее Жамбика. Она часто говорила, что счастлива и права перед богом та женщина, которая умеет сохранить свою честь перед людьми. Но вы увидите, благородные дамы, что ни благоразумие, ни лицемерие не спасли ее от того, что тайна ее была открыта, как и будет явствовать из этой истории, где все предстанет перед вами так, как это было, и только имена людей и название местности будут заменены другими.

Новелла сорок третья

Жамбика, для которой мнение общества значило больше, чем собственная совесть, хотела казаться людям не тем, чем была на самом деле. И вот ее друг и кавалер с помощью кусочка мела разоблачил перед всеми лицемерие, которое она так тщательно старалась скрыть.

В одном роскошном замке жила владетельная принцесса, пользовавшаяся большой властью. В числе ее придворных дам была некая Жамбика, особа очень решительная и сумевшая так опутать хитростями свою госпожу, что та во всем слушалась ее совета, считая ее самой умной и добродетельной женщиной своего времени. Жамбика до такой степени осуждала безумства любви, что достаточно ей было увидеть, что какой-нибудь дворянин влюбился в одну из ее подруг, как она сурово отчитывала обоих и так дурно о них говорила принцессе, что нередко потом та сама пеняла влюбленным; из-за этого все боялись Жамбики и не любили ее. Сама же она, когда ей приходилось разговаривать с мужчинами, вела себя высокомерно и заносчиво, так что прослыла даже заклятым врагом всякой любви, хотя в действительности дело обстояло совсем иначе. На службе у принцессы находился некий дворянин.³⁵⁸ Жамбика была влюблена в него до безумия. И только честолюбие и гордость заставляли ее скрывать от всех свою любовь. Но после того, как она тайла

³⁵⁸ Согласно указанию Брантома, это был его дядя съёр де ла Шатеньере, повеса и волокита, убитый на дуэли в 1547 г.